

УДК 821.161.1.09-9+929Шеллер-Михайлов

О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ И УБЕЖДЕНИЯХ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

И. А. Книгин

Книгин Игорь Анатольевич, кандидат филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, igor.knigin2012@yandex.ru

Всегда склонный к учению и поучению и в литературе, и в жизни, знаменитый русский писатель 1860–1890-х гг. А. К. Шеллер-Михайлов в своих беллетристических и научно-публицистических произведениях сосредоточенное внимание уделял вопросам трудового и нравственного воспитания, формирования личности; его неизменно волновали значимые проблемы педагогической этики, взаимоотношения между наставниками и их подопечными. **Ключевые слова:** Шеллер-Михайлов, беллетристика, педагогическая публицистика, педагогические идеи, нравственные вопросы, семейное воспитание, личность.

On the Pedagogical Views and Beliefs of A. K. Sheller-Mikhailov

I. A. Knigin

Igor A. Knigin, ORCID 0000-0001-9065-4419, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, igor.knigin2012@yandex.ru

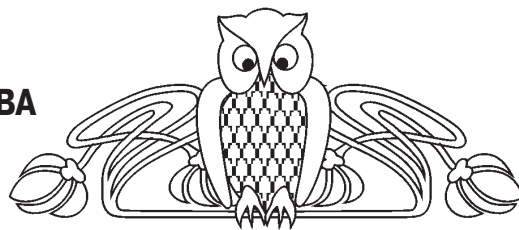
Ever inclined to teach and preach in literature as well as in life, this famous Russian writer of the 1860-1890s A. K. Sheller-Mikhailov in his fiction and scientific journalism works increasingly focused on the issues of labor and moral education, on the personality formation; he was invariably concerned about crucial problems of pedagogic ethics, about the relationships between school-masters and their charges.

Key words: Sheller-Mikhailov, fiction, pedagogic journalism, pedagogic ideas, moral issues, family education, personality.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-424-430

Начиная со второй половины прошлого века имя Александра Константиновича Шеллера-Михайлова (1838–1900) нечасто, но время от времени все же привлекает к себе исследовательское внимание. Тем не менее многие страницы его жизни и литературно-журнальной деятельности до сих пор остаются непрочитанными, а историко-экономические и социально-педагогические искания – неосмысленными. Почти сорок лет, наполненных беспрестанным плодотворным трудом, по существу, без каких-либо развлечений и отдыха, посвятил писатель одержимой литературной работе, с самых первых шагов направленной на идейно-нравственное воспитание и образование широких читательских кругов.

Демократической читающей молодежью А. К. Шеллер-Михайлов воспринимался, по сло-

вам популярного публициста журнала «Русская мысль», как «один из симпатичнейших писателей 60 и 70 годов, человек честных убеждений, непоколебимой преданности лучшим заветам нашей литературы, неутомимый работник, бодрой рукой сеявший в обществе семена правды и добра. Шеллер не был первоклассным талантом; идеи, которые он проводил в своих произведениях, были не новы, но такова сила честной мысли, глубокой убежденности и теплой веры в правду и добро, что романы его <...> приобрели самую широкую популярность, и ими так же усердно зачитывались, как лучшими произведениями наших первоклассных писателей»¹. В литературной критике уже при жизни писателя подчеркивалось: «Имя Шеллера не из ординарных, и его литературная деятельность представляет значительный интерес для истории русского искусства и русского общества»². Обращает на себя внимание и такой примечательный аспект, неоднократно упоминаемый современниками: «При чтении отчетов провинциальных библиотек поражает факт популярности сочинений А. К. Михайлова. Его романы читаются положительно больше, чем романы любого русского писателя, не исключая Тургенева, гр. Л. Н. Толстого, Гончарова, Писемского... А. Михайлов – любимый писатель русской молодежи; по его произведениям впервые знакомится она с жизнью и готовится к ней»³. Первый – по-прежнему остающийся, по сути, единственным, дотошным и самым авторитетным – биограф писателя, публицист, литературный критик и историк литературы, прозаик и мемуарист А. И. Фаресов признавался: «А его духовные силы, отданные на служение обществу; его личная аскетическая жизнь, редкая по трудолюбию и принципиальности, – так значительны, что невольно опускаешь голову в смущении, что, может быть, я местами неумело помянул <...> писателя и не дорос до понимания его сложной природы...»⁴. Однако сам А. К. Шеллер-Михайлов однозначно и веско определил свое место и миссию следующим образом: «Моя роль – роль второстепенного литературного деятеля, делающего по мере сил и разумения свое дело. Я никогда не огорчался, как бы ни ценили размеры моего таланта; но я всегда стремился к тому, чтобы меня не могли упрекнуть за то, что я потакал дурным инстинктам, пробуждал злые чувства или менял свои взгляды и убеждения, и с этой стороны меня едва ли могут упрекать даже те, кому вовсе не симпатична моя деятельность. По моему убеждению, к этому – и только к этому

– должен стремиться каждый второстепенный литературный деятель, так как единственно в этом и состоят его сила и значение. Не краснеть в старости ни за одну страницу – вот высшее благо подобных деятелей»⁵. Самому Шеллеру-Михайлову никогда не приходилось стыдиться или смущаться собственного творчества.

Переходя к рассмотрению педагогических воззрений и убеждений популярнейшего в России вплоть до предреволюционных событий А. К. Шеллера-Михайлова, хотелось бы сначала вспомнить весьма примечательное суждение выдающегося отечественного литературного критика и публициста М. О. Меньшикова, сформулированное им в статье-характеристике беллетриста: «Как на алмазах и рубинах держится тонкий часовой механизм, так на замечательных людях – общество. Они, эти редкие, исключительные, всегда загадочные люди, составляют истинные устои общества, – не идеи, не учреждения, а *живые* (курсив Меньшикова. – И. К.) люди. <...> люди одаренные, да еще чистые сердцем <...> носят что-то божественное в своем духовном образе, и именно ими держится мир. В число добродетелей праведности нужно включать и талант. Ведь что он такое как не чутье к истине? И если так, то он не более как разновидность совести, или совесть, обращенная на внешность вещей. Талантливые люди – праведники мысли, – и именно их искренностью и свидетельством правды человечество спасается, как такую же искренностью пророков...»⁶. К таким талантливым праведникам мысли Меньшиков, безусловно, относил и Шеллера-Михайлова, подчеркивая его особое значение в русской литературе как писателя-идеалиста с незамутненной возвышенно-романтической душой и открытыми честными убеждениями, ориентированными на отстаивание приоритетов совести, долга и добра. Критик совсем незадолго до кончины романиста заявлял: «Пусть другие рассматривают его как художника, как бытописателя эпохи необыкновенно интересной, веяния которой до сих пор еще чувствуются в русской жизни. Мне лично этот писатель дорог как учитель добра. Я до сих пор помню очень живо и не в состоянии забыть своих юношеских хороших волнений, пережитых за его известными романами»⁷.

О Шеллере-Михайлове как об учителе и наставнике-друге с особой теплотой говорили Л. Е. Оболенский, П. В. Быков, А. А. Измайлов, Г. А. Галина, А. Е. Зарин, И. А. Гриневская и другие небезызвестные в свое время литераторы, в судьбе которых он принял самое живое и деятельное участие. В этой связи, безусловно, заслуживает внимания и такое высказывание шеллеровского современника: «Я, по крайней мере, слышал от многих весьма солидных людей, проживших свою юность в течение семидесятых и восьмидесятых годов, что они ничего в своей молодости не читали с таким увлечением, как романы А. К. Шеллера, и никому не были в такой степени обязаны благо-

творным нравственным влиянием, как именно этому почтенному беллетристу, который будил в них инстинкты честности, правды, добра и устремлял их на верный и прямой, хотя и тернистый, путь»⁸.

Несмотря на то, что авторитетный корифей отечественной журналистики В. М. Дорошевич не был лично знаком с Шеллером-Михайловым, он по праву назвал его «другом и наставником моей юности»⁹, подчеркивая особое значение в духовно-нравственном формировании молодого поколения не только шеллеровской беллетристики, но и его ярких публицистических компиляций, соединявших результаты чужих исследований и идей в области истории, философии, экономики, социологии и педагогики с серьезной самостоятельной обработкой, с важными собственными наблюдениями, размышлениями и выводами.

Формирование педагогических воззрений писателя происходило в предреформенные годы, по удачному выражению А. М. Скабичевского, «в среде петербургского интеллигентного пролетариата», «среди людей пишущих и читающих, учащихся и учащих»¹⁰, которых прежде всего волновали умственное и нравственное развитие личности, формирование, в духе новых идей, личных идеалов и поиск путей к осуществлению их в жизни. Эта среда породила «то великое педагогическое движение, которое в эти годы волновало умы нисколько не менее крестьянской и всех прочих реформ. Стоит только вспомнить то потрясающее впечатление на все русское общество, какое произвели в 1856 и 57 годах статьи Пирогова и Бема в *Морском Сборнике*, а затем первые попытки педагогических реформ, произведенные под руководством Ушинского, Водовозова и всех его сподвижников. Стоит вспомнить тот глубокий интерес, с каким общество следило за полемикой о розгах или прочитывало статьи Добролюбова о значении авторитета в деле воспитания. Зал пятой гимназии, где происходили два раза в месяц достопамятные “педагогические собрания”, в дни заседаний был всегда переполнен публикой, состоявшей из людей всех возрастов и обоих полов. А далее затем началась горячка воскресных школ, возникших во всех частях города и привлечших к деятельному участию в них тысячи интеллигентного люда. Не замедлило это педагогическое движение отразиться и в беллетристике в виде массы описаний и обличений старых училищных порядков в гимназиях, семинариях, корпусах, институтах и пр.»¹¹

Вскоре после временного закрытия в связи со студенческими волнениями осенью 1861 г. Петербургского университета, где Шеллер состоял вольнослушателем историко-филологического факультета, ему представилась возможность устроиться домашним секретарем к графу Ф. М. Апраксину и отправиться с его семьей за границу. Там он уже самостоятельно продолжил образование, усердно и плодотворно занимаясь изучением истории европейской философской

мысли и новейших зарубежных исследований по социальным и педагогическим вопросам, а по возвращении в Россию, одухотворенный новыми знаниями и впечатлениями, оказался втянут в животрепещущие проблемы педагогики: увлекся вопросами воспитания детей, умственного и нравственного развития взрослых, женского равноправия и образования.

Вдохновленный буквально витавшими в воздухе идеями, он основал в столице школу для бедных. В тот момент правительство взялось активно поддерживать и поощрять частные инициативы в деле народного образования и считало «необходимым облегчить условия элементарного обучения грамоте и основным приемам арифметики для всех лиц без различия, желающих посвятить себя этому делу, поощряя частных учредителей школ и оставляя при том сами школы в полном их распоряжении по части хозяйственной. Относительно вопроса, должно ли быть обучение в начальных школах даровое или за плату, министр полагал целесообразным взимать с обучающихся в них хотя бы самую незначительную плату, во внимание к укоренившемуся в русском народе взгляду, что даровое обучение не может быть хорошим»¹². Чтобы не вызывать неудобных вопросов и возможных нареканий со стороны надзорных органов, шеллеровская школа была зарегистрирована на имя некоего полковника Костылева. За минимальную ежемесячную плату (от 30 до 60 копеек) дети получали здесь первоначальное образование, для них проводились музейные экскурсии и познавательные прогулки. По субботам в школе устраивались доступные лекции для взрослых по географии, истории, обществознанию. Учеников набралось до ста человек. Просуществовала школа до 1863 г. и в связи с изменившимися требованиями к подобным учебным заведениям со стороны правительства, а также финансовыми затруднениями ее фактического руководителя была закрыта. Тем не менее «педагогом в душе Шеллер остался до конца своей жизни в роли руководителя младшего, подрастающего поколения молодых писателей»¹³.

Педагогические проблемы, связанные с воспитанием и образованием, обнаруживают себя практически во всех литературно-художественных произведениях А. К. Шеллера-Михайлова, начиная с первого романа «Гнилые болота. История без героя», напечатанного на страницах Некрасовского «Современника» и сразу же принесшего ему славу «романиста-публициста, повествующего о том, как трудно воспитываться и развиваться бедным людям обоего пола, сколько тяжких усилий стоит хоть сколько-нибудь выбиться в люди и как много всякого рода подводных камней встречают они на пути»¹⁴. В «Гнилых болотах» А. К. Шеллер-Михайлов посвятил школе немало любопытных страниц, составив подробный и выразительный рассказ о нравах и обычаях, сложившихся там, об учителях и воспитанниках: «В нашу школу

принимались дети всех вероисповеданий и всех сословий. Рядом с белобрысым немцем, сыном колбасника, сидел черноволосый француз, сын перчаточника; подле князька помещался русский мещанин; красивая курточка, сшитая модным портным из нового сукна, терлась о синюю вылинявшую поддѣвочку, по всей вероятности, выкроенную дома из отцовского долгополого сюртука. Принципом школы было равенство детей; <...> формально школа не ставила между воспитанниками никаких перегородок. Но подобные принципы <...> не могут применяться на деле. Учителя у нас грудью стояли за своих пансионеров и почти боялись пансионеров директора. <...> Во время ежемесячных отметок чувствовалось очень сильно их выгодное положение в школе; у них отметки являлись самые лучшие, они обгоняли своих товарищей – непансионеров – и смотрели на них как на лентяев. Между собою ученики сходились в играх, не различая званий отцов, но это продолжалось до поры до времени; с годами к детям прививались сословные предрассудки; дети дворян и чиновников слышали дома пренебрежительные отзывы своих родителей о мещанах, о мастеровых и мало-помалу усваивали эти взгляды; князь начал отворачиваться от сына мелочного торговца и говорил, что от него селедкой воняет; щегольская курточка сторонилась от синей поддѣвочки, за что поддѣвочка оплачивала курточке полновесными тумачами. Едва заметно, но постоянно и безостановочно воздвигались между детьми эти невидимые перегородки, и делались они с каждым годом все выше и выше, угрожая превратиться в китайскую стену. Они и превращались в нее, но уже по окончании детьми воспитания, по выходе их из школы <...>. В описываемый мною период школьной жизни мои товарищи, юноши от пятнадцати до восемнадцати лет, занимались сооружением между собою перегородок, делились на кружки курточек, сшитых дома, на кружки поддѣвок и синих сюртуков с зеленоватыми пятнами, на пансионеров директора, учителей и школы и на вольноприходящих учеников. Даже во дворе, играя в лапту, редко сходились между собою эти кружки; пансионеры же директора совсем не играли и важно прохаживались по боковым тротуарам. Курточников очень интересовало решение следующих важных вопросов: “Кто твой отец? Сколько у него денег?” – и часто слышали поддѣвочки и синие с зеленоватыми пятнами сюртучки такие обидные упреки: “Ах ты, сапожник! Много ли селедок в день продает твой отец? Что твой родитель берет за шитье штанов?” Каждый кружок стоял за своих членов <...>»¹⁵

Почти в каждом произведении, повествующем о современной жизни, писатель непременно рисовал наполненные вдохновляющим оптимизмом картины умственного и нравственного развития представителей молодого поколения, убежденный в том, что только путем твердого трудового воспитания и морального совершен-

ствования можно обрести прочное человеческое счастье на земле. Сам всегда склонный к учению и поучению и в литературе, и в жизни, в своих беллетристических произведениях самое серьезное внимание он уделит вопросам формирования личности, считая семейное воспитание в данном случае своеобразным краеугольным камнем. А. И. Фаресов, неутомимый пропагандист творчества писателя, считавший его и непревзойденным бытописателем русского общества шестидесятых-девяностых годов, подчеркивал, что так или иначе затрагиваемые в произведениях Шеллера-Михайлова вопросы о школе и семье можно свести к одному общему педагогическому вопросу. В одной из статей критик указывал: «Вообще для автора педагогический вопрос не только важнее, но и “проклятее” (говоря словами Гейне) всех иных вопросов. Вот почему и все <...> произведения г. Шеллера имеют несомненное воспитательное значение для русского общества»¹⁶. Фаресов был твердо уверен, что романист должен прочно занять место «в рядах беллетристов, имеющих не только художественное, но и социальное и этическое значение для русского общества»¹⁷.

Весьма примечательно, что для А. К. Шеллера-Михайлова семья была основой всего, а родители всегда занимали в его жизни особенное, совершенно своеобразное место. Они были для него и надежной опорой во всех его начинаниях и устремлениях, и бесменным образцом житейского и нравственного поведения, сердечного равновесия и духовной непоколебимости, источником неиссякаемой любви и гордости, а также поэтического вдохновения. Достоинейшими чертами родителей – неутомимым трудолюбием, исключительной простотой (не простоватостью или простосердечием!), созидательной отзывчивостью, вдохновенной самоотверженностью, безграничной преданностью близким, трогательной искренностью и душевной чистотой – писатель наделил большинство положительных персонажей своих романов, повестей и рассказов.

Константин Андреевич и Елена Федоровна сделали все для того, чтобы сыну удалось получить основательное образование. «Мне шел девятый год, когда мои отец и мать решились отдать меня в школу, – вспоминал Шеллер-Михайлов. – Решение это было принято вовсе не потому, что настала пора учить меня. Учиться я начал гораздо раньше дома и уже умел читать, писать, считать, говорил по-немецки, понимал немного по-французски. Но именно теперь мои родители пришли к заключению, что я должен ходить в школу. Я рос одиноко, без одноклассников-товарищей и начал тревожить отца и мать своими серьезностью, степенностью, дикарством. Игрушки были давно уже отброшены мною в сторону, и я проводил почти целые дни за чтением книг, забываясь куда-нибудь в угол, низко склонив голову, сгорбившись, как старик. В промежутках между чтением книг у меня являлось другое занятие,

тоже не содействовавшее развитию во мне веселости, шаловливости, стремления к играм: моя любимая бабка, окруженная вечно приживалками-черносалопницами, постоянно хлопотала за кого-нибудь из этих женщин и давала мне переписывать составленные ею для них прошения, так как я, девятилетний ребенок, писал все-таки красивее, чем она с ее почерком екатерининских времен. Как ни старались отец и мать освободить меня от этих переписок слезных жалоб на судьбу, их усилия оставались тщетными, так как бабка и я всегда являлись “союзниками” и “заговорщиками” в доме. Средство сделать меня вполне ребенком было одно – ввести меня в шумный кружок настоящих детей. Это могла сделать только маленькая, трехрублевая школа, так как никаких “детских садов” в те времена не было, а собирать около меня на дому кружок товарищей было моей, очень небогатой, семье не по силам»¹⁸.

О пребывании в двух дешевых частных подготовительных школах, их обстановке и царивших нравах писатель поведал в подробном мемуарном очерке «В маленьких школах», напечатанном в 1890 г. в специальном педагогическом ежемесячном журнале «Русская школа». В романе «Гнилые болота» А. К. Шеллер-Михайлов посвятил немало любопытных страниц учебе в частном учебном заведении с гимназическими правами, составив подробный и выразительный рассказ о нравах и обычаях, сложившихся там, об учителях и воспитанниках.

Писателя перманентно волновали значимые проблемы педагогической этики, взаимоотношения между наставниками и их подопечными. Разные психологические состояния детей, горе, страдание, детская природа в широком понимании, «история развития детей (разрядка П. Н. Ткачева. – И. К.), – детей в буквальном смысле этого слова, – составляет основную сущность и характеристическую особенность всех его романов»¹⁹. Злободневные обобщающие вопросы, связанные со школой и семьей, с развитием народного образования в России и за рубежом, много раз затрагивались в педагогической публицистике Шеллера, вызвавшей известный общественный резонанс. Несколько статей о «первоначальном образовании» во Франции, Англии, Пруссии, Швейцарии и Северо-Американских штатах появилось на страницах журнала «Дело» в 1871–1873 гг. Эти работы, основанные на подробном изучении исследований по педагогике, составили капитальный труд «Основы образования в Европе и в Америке. С приложением статьи “Здоровье подрастающего поколения”» (СПб., 1873). В «Деле» были напечатаны и другие выступления Шеллера-Михайлова на педагогические темы: «Основы народного образования в России» (1874, № 1, 7, 9, 11), «Народное образование в Швеции и Норвегии» (1874, № 3, 5, 6), «Педагогические опыты» (1874, № 2), «Эпоха преобразований в народном образовании» (1875, № 7, 9), «Отношение

человека к детям» (1877, № 1–3, 5), «Погибающие в детстве силы» (1877, № 6–10, 12).

Шеллер-Михайлов в своих печатных выступлениях разных лет постоянно затрагивал вопросы о положении детей в обществе и доказывал, что разнообразные проблемы детской жизни являются составной и значимой частью социального вопроса. На это особое внимание обратил тогда только начинавший свой журналистский путь выдающийся русский ученый-энциклопедист М. М. Филиппов, подчеркнувший в рецензии на выпущенную редакцией журнала «Живописное обозрение» тиражом 2400 экземпляров книгу «Наши дети» (1881), что «сочинение Михайлова, несмотря на скромное заглавие "Очерков", представляет плод продолжительного и в высшей степени добросовестного труда. Просматривая список источников, легко убедиться в том, что автор пользовался капитальными произведениями западноевропейской литературы. <...> труд г. Михайлова представляет ценный вклад в нашу небогатую педагогическую литературу, и что замечательнее всего, так это то, что такой серьезный труд, несмотря на то, что книга отпечатана еще в 1881 г., не вызвал ни единой серьезной критической статьи... <...> между тем "Наши дети" должны сделаться настольной книгой каждого образованного человека»²⁰. Справедливости ради необходимо сказать, что книга незамеченной не прошла. Разные по своим задачам и по объему отклики об очерках в 1880–1881 гг. появились на страницах педагогических журналов «Воспитание и обучение» и «Народная школа», в еженедельном иллюстрированном дамском журнале «Новый русский базар», в газетах «Новое время», «Новости», «Молва», «Россия», «Новороссийский телеграф», «Одесский вестник».

В этой связи особого внимания заслуживает рецензия, опубликованная в «Отечественных записках», в которой не без легкой иронии, по всей вероятности, памятуя о язвительных откликах самого М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. М. Скабичевского по поводу шеллеровских романов, указывалось: «Г. Михайлов – трудолюбивый и благонамеренный романист, трудолюбивый и благонамеренный поэт, есть вместе с тем трудолюбивый и благонамеренный компилятор: "Наши дети" не первая его работа в этом роде. Понятно, что в деле компиляции трудолюбие и благонамеренность представляют гораздо большие гарантии, чем в области беллетристики и поэзии. И действительно, книжка "Наши дети", наверное, прочтется многими с большим интересом и пользою. Это работа старательная, иллюстрированная значительным количеством фактов, способная навести на серьезные размышления. Мы не хотим, однако, сказать, чтобы она не могла быть исполнена лучше. Напротив. Дело в том, что трудолюбие и благонамеренность, будучи прекрасными качествами вообще и драгоценными для компилятора в особенности, могут иногда за-

труднить писателя. <...> "Наши дети" – предмет очень сложный, соприкасающийся едва ли не со всеми сторонами общественной жизни и еще с разными другими предметами. <...> Г. Михайлов вышел из этих затруднений не блистательно. Местами он просто бросает горстями факты без определенного отношения к основной задаче. <...> эпизоды разработаны слишком кратко для того, чтобы иметь какое-нибудь самостоятельное значение, и вместе с тем слишком обширны в качестве эпизодов книги о "наших детях". Г. Михайлов слишком часто теряет чувство логической перспективы и свою собственную руководящую нить. Тем не менее книга его, повторяем, многими прочтется с интересом и пользою»²¹.

Не случайно одну из своих многочисленных статей о Шеллере-Михайлове А. И. Фаресов озаглавил «Беллетрист-воспитатель». По словам биографа, воспитательное начало присутствует во всех художественных и публицистических сочинениях писателя, где он заявляет о себе прежде всего как о проповеднике и моралисте. Критик настойчиво рекомендовал произведения Шеллера-Михайлова не только ищущей жизненный путь «молодежи переходного возраста», но и «отцам семейств», заботящимся о будущем подрастающего поколения. «Сочинения А. К. Шеллера, – был поэтому искренне убежден Фаресов, – несомненно станут достоянием каждой семейной библиотеки по мере того, как мы будем ценить и любить тех писателей, которые перенесли нас через житейскую грязь на сухой берег бесчисленными их указаниями на то и на другое; по мере того, как в русское общество будет проникать сознание, что необходимо прежде всего воспитать хороших людей и уже потом рассчитывать на успехи новых социальных учреждений и отношений»²².

Литературный критик, историк литературы, детский писатель и педагог А. П. Налимов в посвященной десятилетию со дня кончины романиста статье о его педагогических идеях коснулся вопроса о ценности и значении шеллеровских размышлений в области педагогики: «В сочинениях нашего автора идет постоянная широкая проповедь труда. Труд, сколь возможно, по призванию, излюбленного; но и строго разумно рассчитанного, вдушегося на потребу ближних и – общества <...> Шеллер зачастую, словно, поет дифирамб труду и труду!»²³. Именно трудовое начало критик назвал «коньком мировоззрения» писателя, чьи идеи не утратили актуальности и после его ухода из жизни, ведь в своих сочинениях он «на каждом шагу <...> горячо призывает к труду, сурово карает неделание, на разные лады обличает язвы нашей вялости, разгульного благодушия и всякой неправды в любой сфере отечественного обихода. А это разве педагогически бесполезные соображения?»²⁴

Именуя Шеллера-Михайлова «дидактиком в беллетристике», по сути, озвучивающим и пропагандирующим в романах собственные мнения,

взгляды, идеи, позиции, убеждения, принципы, Налимов, переключаясь в суждениях с Фаресовым, подчеркнул, что «внимательный педагог сыщется у Шеллера и для собственной работы, и для ученического прочтения нескучный материал, отражающий игру умственных проявлений в разных портретах действующих лиц, в истории их воспитания, житейских положений и пр.»²⁵. Писатель всегда заостряет читательское внимание на честности, прямоте, правдивости как основах нравственного воспитания и беспрестанно обличает лицемерие во всех его разновидностях. В его произведениях выделяется, по словам автора статьи, «содержательная интеллектуальная личность автора. Педагога интересует история постепенного развития личности из зародыша дитяти. Мы не знаем ни одного беллетриста, который ближе Шеллера касался бы подобных тем»²⁶. По мнению Налимова, «Шеллер, <...> не падая духом, искал в человеческом сердце хоть „частицы золота“». <...> Принято давать педагогические комментарии к произведениям больших художников. Но и показания Шеллера заслуживают внимания педагогов. Он свидетель значительный, ибо писатель искренний, мастер своего дела несомненный, ум немалый, гуманист подлинный. <...> Мы были бы удовлетворены вполне, если бы наши строки побудили педагогов и педагогических писателей лишней раз серьезнее, тщательнее пересмотреть и оценить, с соответственной точки зрения, труды Шеллера»²⁷. К этим словам современника замечательного русского писателя и, как выясняется, педагога-публициста остается только присоединиться.

Создав богатую и в своем роде уникальную галерею родителей, воспитателей, учителей и их питомцев, а также обстоятельную педагогическую летопись в беллетристической и научно-популярной формах, А. К. Шеллер-Михайлов остался до конца дней верен своим педагогическим воззрениям и убеждениям, в которых нравственные нормы оказались и неистребимы, и непобедимы.

Прозаик, поэт, переводчик, публицист, мемуарист, литературный критик, популяризатор гуманитарных знаний, журналист, редактор, педагог – он всегда ставил перед собой высокие цели и самые серьезные общественные и нравственные задачи, был непоколебимо убежден в том, что литература должна служить народу, поддерживать его и во всем ему помогать. Свое кредо он отчетливо выразил в программном стихотворном завещании «Писателям», факсимиле которого как «стихотворение-автограф А. К. Шеллера» было помещено в траурной рамке вскоре после его кончины в еженедельном журнале «Север»:

Вы – соль земли! Старайтесь свято
Дар вам ниспосланный хранить
И искру света заносить
В жизнь обездоленного брата.

Борьба с неправдою трудна,
Все ж сейте правду с верой чистой,
Хотя б на почве каменистой
Иные сгибли семена.

Гоните страх свой малодушный,
Когда вам грозный враг грозит, –
Стал сильным юноша Давид,
Веленьям Господа послушный.

Вы – соль земли! И горе вам,
Когда, задув священный пламень,
Вы в силах будете лишь камень
Дать вместо хлеба беднякам!²⁸

Примечания

- ¹ А. С. <А. С. Скляр>. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1900. № 12. Отд. II. С. 262.
- ² Б. п. Полное собрание сочинений А. К. Шеллера (Михайлова). Тт. III–IX. СПб., 1894 г. // Северный вестн. 1894. № 10. Отд. II. С. 79.
- ³ Краснов Пл. Чуткий писатель // Труд. 1894. № 9. С. 688.
- ⁴ Фаресов А. Трагизм А. К. Шеллера // Исторический вестн. 1901. Т. LXXXIV, № 4. С. 196.
- ⁵ Фаресов А. Александр Константинович Шеллер. Биография и мои о нем воспоминания. (С двумя портретами). СПб., 1901. С. 19.
- ⁶ Меньшиков М. А. К. Шеллер // Меньшиков М. О. Критические очерки : в 2 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 506–507.
- ⁷ Там же. С. 509.
- ⁸ Скабичевский А. Александр Константинович Шеллер // Русская мысль. 1895. № 1. Отд. II. С. 102.
- ⁹ Дорошевич В. Рассказы и очерки. М., 1986. С. 337. «Книги Шеллера-Михайлова в юношескую пору моему дополнили ту культуру добра и бескорыстия, которую передали Власу его приемные родители, взрастившие в нем и достаточно твердое религиозное чувство», – указывает С. В. Букчин (Букчин С. Дорошевич-мемуарист // Дорошевич В. Воспоминания. М., 2008. С. 10).
- ¹⁰ Скабичевский А. Александр Константинович Шеллер // Русская мысль. 1895. № 2. Отд. II. С. 73.
- ¹¹ Там же. С. 73–74.
- ¹² Татищев С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 620.
- ¹³ Полевой П. История русской словесности с древнейших времен до наших дней : в 3 т. Т. 3. СПб., 1900. С. 675.
- ¹⁴ Скабичевский А. Александр Константинович Шеллер // Русская мысль. 1895. № 2. Отд. II. С. 74.
- ¹⁵ Шеллер-Михайлов А. Полн. собр. соч. : в 16 т. 2-е изд. / под ред. и с критико-биограф. очерком А. М. Скабичевского и с приложением портрета Шеллера. Т. 1. СПб., 1904. С. 123–125.
- ¹⁶ Фаресов А. Современные литературные деятели. Александр Константинович Шеллер // Исторический вестн. 1896. Т. LXIII, № 2. С. 567.
- ¹⁷ Там же. С. 573.
- ¹⁸ Шеллер А. (Михайлов А.). В маленьких школах. Из

- школьных воспоминаний // Русская школа. 1890. № 3. С. 28–29.
- ¹⁹ Ткачев П. Тенденциозный роман (Собрание сочинений А. Михайлова. СПб. 1873 г.) // Ткачев П. Избранные сочинения на социально-политические темы : в 4 т. Т. 2 : 1869–1873. М., 1932. С. 399.
- ²⁰ Филиппов 2-й М. «Наши дети» (очерки) А. Михайлова. СПб., 1881 г. // Век. 1882. Кн. 5. Отд. VIII. Библиографический. С. 94–95.
- ²¹ Б. п. А. Михайлов. Наши дети. Очерки. СПб., 1881 // Отечественные записки. 1881. № 4. Отд. II. Современное обозрение. С. 237–238.
- ²² Фаресов А. Беллетрист-воспитатель // Книжки «Недели». 1898. Ноябрь. С. 125.
- ²³ Налимов А. Педагогические идеи Шеллера-Михайлова. (К десятилетию со дня его смерти – 21 ноября 1910 г.) // Русская школа. 1910. № 10. С. 119.
- ²⁴ Там же. С. 120.
- ²⁵ Там же. С. 122.
- ²⁶ Там же. С. 123.
- ²⁷ Там же. С. 124.
- ²⁸ Шеллер-Михайлов А. Писателям // Север. 1900. № 48. 3 дек. Стб. 1509–1510. Впервые это стихотворение за подписью «Б. Левин» под заглавием «Собратьям» было напечатано в редактируемом Шеллером-Михайловым журнале «Живописное обозрение» в 1893 г. (№ 2. 10 янв. С. 46) и имело некоторые разночтения, касающиеся не только пунктуации: отсутствовала 3-я строфа, а в 3-м стихе 1-й строфы вместо «заносить» было «заронить».

Образец для цитирования:

Книгин И. А. О педагогических воззрениях и убеждениях А. К. Шеллера-Михайлова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 424–430. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-424-430.

Cite this article as:

Knigin I. A. On the Pedagogical Views and Beliefs of A. K. Sheller-Mikhailov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 424–430 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-424-430.
